

СОЦИС

Журнал основан
в июне 1974 года

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- 3 АЛЕКСАНДЕР Дж. Власть, политика и гражданская сфера
18 ДМИТРИЕВ А.В., ПЯДУХОВ Г.А. Принимающий социум: практики взаимодействия с трудовыми мигрантами

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- 29 ТИХОНОВА Н.Е. Малообеспеченные в современной России: специфика уровня и образа жизни
40 ЛАРИОНОВА Т.П. Социальные характеристики благотворительной деятельности в Татарстане

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

- 48 ПЕТРОВ В.Н. Этнические миграции в современной России: детерминанты и типология
57 ШАБАЕВ Ю.П., САДОХИН А.П., ШИЛОВ Н.В. Этнонациональные движения в новой социокультурной реальности
66 САМСОНОВА Е.А., ЮДИНА Е.Ю. Этническая толерантность в сознании тульской молодежи

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

- 70 ЮРЕВИЧ А.В. Нравственное состояние современного российского общества
80 НИЗАМОВА Л.Р. Российские и западные трактовки мультикультуризма

Политическая социология

© 2009 г.

Дж. АЛЕКСАНДЕР

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА И ГРАЖДАНСКАЯ СФЕРА

АЛЕКСАНДЕР Джефффри – почетный профессор Йельского университета (США).

Государство в современных обществах – источник принуждения; но политика и власть государством не ограничиваются. Государство – прикрытие для современной политики, но ту же функцию выполняет гражданская сфера. Политика вырастает из гражданской сферы; она стремится направить государственную власть в определенное русло, заставить ее работать в интересах той, а не иной стороны. Стороны эти определяются коммуникативными конфликтами в гражданской сфере. Соотнесение этих сторон с государственной властью есть цель и награда современной политики.

Что такое политика? В переполненных мюнхенских аудиториях 1918 г., в неустойчивой и поляризованной атмосфере только что побежденной Германии М. Вебер говорил о смысле современной политики. Спустя годы его “Политика как призвание и профессия” станет знаменитой. В ней Вебер подчеркивает достоинство политики, ее самобытность. Он хочет напомнить радикально настроенным студентам – крайне левым и крайне правым – что политика может проводиться эффективно в рамках государства.

Что мы понимаем под политикой? Это понятие исключительно широкого охвата включает любое независимое управление в действии. Ведется речь о денежной политике банков, о забастовочной политике профсоюзов; можно говорить об образовательной политике муниципалитета, города, о политике президента общественной ассоциации, даже о политике умной жены, стремящейся исподволь руководить мужем. Но сегодня наши размышления основываются, конечно, не на этом широком понятии. Мы стремимся понять политику только как руководство (leadership), влияние руководства, политической ассоциации, каковой сегодня является государство [1, р. 77, курсив оригинала]. В контексте государства политика означает обретение или потерю власти, которую Вебер описывает в отнюдь не идеалистической – реалистической – манере. Это “вероятность того, что один из акторов социальных взаимоотношений будет занимать позицию проведения собственной воли, несмотря на сопротивление и не взирая на основания, на которых эта позиция базируется” [2, р. 53]. Политика для нас означает стремление разделить власть или же стремление влиять на распределение власти между государствами либо между группами внутри государства... Тот, кто активен в политике, стремится к власти либо как к средству, служащему иным целям, идеалистическим или эгоистическим, либо к “власти ради власти”, дабы насладиться чувством престижа, ее сопровождающим [1, р. 78].

Политика отрывает нас от бюрократизма, от современного упора на рациональность и действенность. Она, кажется, возвращает нас обратно к частным интересам

Лекция, прочитанная перед участниками Всероссийского конгресса 24 октября 2008 г. (Москва).

и ресурсам. Безусловно, она сдвигает политический анализ от безличностного к личному, от государства к партии, от приказа к убеждению, от правил к праву голоса, от организаций к индивидам. Она позволяет нам размышлять об образах культуры, о манипулировании символами.

Власть и легитимация. В то время как власть может быть определена как способность проводить собственную волю, не взирая на любое сопротивление, легче и эффективнее реализовывать власть все же принимая в расчет и волю другого. В той мере, в какой другое лицо подчиняется тебе не из страха, а из уважения, ты реализуешь не только силу (*power*), но власть/авторитет (*authority*). Авторитетная власть (*authoritative power*) обладает легитимацией. По классическому определению Вебера, ныне принятому почти всеми политическими мыслителями, существует три типа легитимной власти, которые Вебер назвал “внутренними оправданиями” реализации власти. Первая – традиция, которую Вебер описывает как «власть “неизменного вчерашнего дня”, т.е. нравов и обычаев, освященных невообразимо древним признанием и привычной установкой к конформности» [1, р. 78–79]. Противоположен этой форме власти, характерной для власти эпохи до-модерна, рационально-легальный тип легитимации, присущий современному государству. Господство посредством “легальности”, в силу веры в оправданность легального законодательного акта и функциональной “компетенции”, основано на рационально созданных *правилах*. В этом случае ожидается послушание при выполнении законных обязательств. Это господство осуществляется современным “слугой государства”, всеми держателями власти, кто в этом плане напоминает его [1, р. 79].

Но власть легитимируется и гораздо на более личностной основе, – харизме лидера. Власть экстраординарного личностного дара *харизмы* – абсолютная личная преданность и вера в откровение, героизм, иные качества лидера. Это – “харизматическое” господство, проводимое пророком или – в политике – избранным воином-князем, всенародно избранным правителем, великим вождем, лидером политической партии [1, р. 79].

Власть в эпоху постмодерна: харизма и культура. Вебер думал, что харизма блекнет перед лицом рационального модерна; ее вдохновляющая, изменчивая, инновационная, иногда опасная субъективность не соотносима с рационально-легальной властью бюрократической машины. Это, однако, не так. В течение минимум двух веков демократические и недемократические нации поддерживали публичные сферы, структурирование которых зависело от СМИ. В этом случае демократические и недемократические политики зависят от СМИ при конструировании харизматической власти; в постмодерных обществах специалисты политической стратегии создают образы через СМИ все более осознанно. В постмодерных обществах публичное политическое действие, всегда символическое и культурное, чаще концептуализируется как политический “перформанс” [3]. Соперники за власть, власть консервативную, либеральную или радикальную, стремятся создать сильные символические образы на публичной сцене, контролировать их интерпретацию. Политическая журналистика придает перформансу все большее значение. Интеллектуалы и социологи-критики часто осуждают акцент на “политике символов” как манипулятивной, пропагандистской, уводящей от реальности в сферу притворства, симуляции, зрелища. Политики-практики просто говорят о доведении правдивой информации о своем “мессидже”, кандидате.

В современном обществе политика создания образов – *public relations* и реклама – одно из оснований жизни общества, независимо от намерений: информировать, обмануть, освободить или подавить. В 1960-х гг. эти правила политической игры уже появлялись, но СМИ тогда еще не оформляли свои кампании как перформанс. В 1968 г., когда Р. Никсон триумфально обошел Г. Хэмфри на президентских выборах, стратег республиканцев Джо МакГиннисс опубликовал книгу “Продажа Президента 1968”. “Скандалная”, раскрывшая “все” работа сразу же стала противоречивым бестселлером. В одной из глав МакГиннисс раскрывает содержание записки о тайной страте-

гии, разработанной для Никсона до убийства Р. Кеннеди, когда телегеничный “Бобби”¹ предположительно должен был в будущем стать демократическим оппонентом Никсону. Целью республиканцев было убедить Никсона изменить свой публичный образ. Свокорыстный, но весьма при этом показательный подтекст записки обосновывал тот факт, что массмедийно опосредованная харизма торжествовала над логикой и аргументами политических дебатов.

Феномен Бобби; его пронзительное воззвание к телепоколению. “Разумеется, оно не имеет ничего общего с логическим убеждением; это цельный *опыт*, тактильное ощущение... Тысячи девочек [*sic*], жаждущих его президентства, дабы наслаждаться им на экране телевизора и запускать пальцы в волосы его образа... Доводы отталкивают зрителя, они оскорбляют его, требуют его согласия или несогласия; [напротив], впечатления могут окутать его, заманить его, не ставя никаких интеллектуальных запросов, не предъявляя ни малейших требований к его интеллектуальной энергетике... Когда мы спорим с ним, мы требуем от него совершить усилие дабы ответить нам. Мы стремимся вовлечь его интеллект, а для большинства людей это самая сложная работа из всех возможных. Эмоции извлечь гораздо проще, они ближе к поверхности, более податливы. Заставьте избирателей проникнуться к парню симпатией – и бой на две трети выигран” [цит. по: 4, р. 187–189].

Социальная власть и политика. По мнению человека, изнутри знающего эту “кухню”, борьба за харизматическую власть подпитывается, подчас незаметно, иными формами социальной власти [5, 6]. Сама идея “продажи” президента предполагает, что борьба за харизматическую власть возможна, но ограничивается властью экономической и интеллектуальной. И дорого (экономическая власть) и стратегически сложно (власть интеллектуальная) запустить действенную политическую кампанию, президентскую или парламентскую. Естественно, эффективные политики сами обычно талантливые стратеги. Но профессиональных специалистов по вопросам стратегии нужно нанимать, нужно оплачивать спичрайтеров. Политик, стремящийся к харизматической власти, должен покупать телевизионное время. Кроме того, он наймет ангажированных журналистов и экспертов по связям с общественностью. Обладатели экономической властью, могут, таким образом, осуществлять огромное влияние на тех, кто завоевывает власть.

Многоуровневая, сложная власть, ее видимые и невидимые области исследованы в доказавшей свою применимость трехмерной модели Стивена Льюкса. Одномерный взгляд на власть, пишет он, “предполагает фокусирование на поведении, предполагающем принятие *решений* по поводу вопросов, относительно которых существует видимый *конфликт интересов*” [7, р. 15]. Критикуя этот подход, Льюкс отмечает, что он все же фиксирует один уровень современной политики, – тот, который можно наблюдать непосредственно и который связан с политическими предпочтениями и политическим участием. Двухмерный взгляд проникает глубже, в менее очевидные пласты социальной власти, в “вопросы контроля программ действий политиков и путей, с помощью которых потенциальные проблемы остаются в стороне от политического процесса” [там же, р. 21]. Трехуровневый подход еще больше углубляет этот анализ, демонстрируя, как власть может реализовываться без всякого публичного участия в политических институтах, без каких-либо открытых политических конфликтов. Третье измерение предполагает, что скрытая социальная власть гарантирует неотступное следование определенной политической программе, даже когда все формы политической легитимности остаются нетронутыми и видимая автономия государства поддерживается.

Второе и третье измерения власти заставляют Льюкса указать на влияние социальных, в отличие от чисто политических, элит. Социальные элиты действуют вне политического поля, оформленного государствами и институтами партии и правительства. Эти элиты пытаются “опутать” политиков, используя свою социальную власть

¹ Роберт (Бобби) Кеннеди.

для контроля власти политической в значительной степени неразглашаемыми способами.

Власть за троном: властвующая элита? Подозрения в адрес социальной элиты, контролирующей политическую жизнь, отнюдь не новы. К. Маркс особо резко и мощно представил скрытый социальный контроль в теории классов, отводящей государству роль лишь исполнительного комитета буржуазии, богатейшего экономически класса. Веком позже Ч.Р. Миллс развивает эту модель более утонченно, с тех пор она стала моделью критического неомарксистского анализа. Миллс публикует "Властвующую элиту" (1956)² в дни консервативной администрации президента Д. Эйзенхауэра в острой фазе холодной войны. Он озвучил чувства фрустрации исключенных из процесса принятия политических решений, а также тех, кто все пессимистичнее смотрел на возможность средним людям добиваться значимых политических перемен.

Власть обычных людей ограничена повседневными мирами, в которых они живут, и, тем не менее, даже в кругу работы, семьи и соседства они чувствуют присутствие сил, которые сами не могут ни понять, ни подчинить себе. "Великие перемены" — вне их контроля, но влияют на их поведение и мировоззрение. Сама структура современного общества ограничивает их правилами вовсе не их собственными. Мужчины и женщины массового общества соответственно ощущают отсутствие цели в эпоху отсутствия у них власти. Но не все мужчины в этом смысле типичны. Поскольку средства информации и власти централизованы, некоторым удается занять позиции в американском обществе, позволяющие смотреть свысока и своими решениями существенно влиять на повседневную жизнь обыкновенных мужчин и женщин. Они не ограничены своей работой; они создают и разрушают рабочие места тысяч других; они не ограничены несложными семейными обязанностями; они могут уйти. Они могут жить в отелях или домах, но они не связаны ни с одним сообществом. Они не нуждаются в том, чтобы просто "отвечать требованиям дня и часа"; отчасти они сами создают эти требования, заставляя других соответствовать им. Заявляют они открыто о своей власти или нет, их технический и политический опыт выходит далеко за пределы опыта основной массы населения [8, р. 3].

В противовес марксистскому взгляду, Миллс выдвинул более плюралистичную и веберийскую модель. Он обсуждал власть элиты не только в экономике, но и в политике и военной сфере, настаивая, что элитарную позицию определяет контроль институтов, — не богатство в чистом виде. Не только контролем экономики, — тремя формами социальной власти определяется господство элит. Неадекватен упрощенный взгляд, что элита в одностороннем порядке принимает все решения, имеющие последствия для страны. Упрощенный "экономический детерминизм" дополнен "политическим детерминизмом" и "военным детерминизмом"; наиболее продвинутые агенты этих трех сфер часто в заметной степени автономны. По этим причинам Миллс предпочитал "властвующую элиту" термину "правлящий класс" [8, р. 277].

Несмотря на оговорки, Миллс, утверждает следующее. Эмпирический анализ обнаружил, что практически все три элиты плотно координируют свои действия. Хотя тезис о властвующих элитах напоминает отвергнутую Миллсом марксистскую теорию, он отличен от нее исследованием того, как культурный процесс формирует у элиты самоощущение. Ученый должен изучать стиль жизни властной элиты, ее "психологическое средство", чтобы "уловить суть личностной и социальной основы единства властной элиты" [8, р. 278].

Социологи под влиянием Миллса подтвердили, что в США есть экономическая элита. Богатство в огромной степени сконцентрировано в руках одного процента верхушки американского населения, по большей части богатство это наследуется при рождении. Многие семейства, крупные держатели акций фактически активно контролируют управление ведущими корпорациями через семейные фирмы, партнерство в инвестициях и акционерные компании. Такие исследователи, как У. Домхоф (1967), подтвердили утверждение Миллса, что господство элиты зиждется

² Миллс Ч.Р. Властвующая элита / Пер. с англ. М.: Иностранная литература, 1959.

не только на общности экономических интересов, но и на разделяемой коллективной идентичности. Продукт частных культурных организаций, коллективная социализация элиты вырабатывает чувство доверия. Сверхбогатые ходят в школу, общаются и развлекаются в местах, куда доступ обыкновенным людям труден. Они связаны не только экономически, через деловые трансакции и корпоративные интересы, но и социально, посредством общей культуры и браков. Те представители среднего класса, кто вливается во властную элиту, получают богатство и доступ к стилю жизни относительно невидимого привилегированного класса Америки [9]. Другими словами, это – культурная ассимиляция в американский высший класс. Контролирует ли экономическая элита политику? Миллс и его последователи показали, что власть в обществе распределена неравномерно и экономическая элита обладает особой властью. Но им не удалось доказать самое амбициозное утверждение – что экономическая элита действительно контролирует государство. Напротив, относительно легко продемонстрировать, что государство удерживает реальную автономию по отношению к социальной власти. В частых и жестких политических битвах за влияние на государственную власть элиты общества всякий раз терпят поражение в попытках осуществлять контроль над дискурсом.

Один из способов увидеть это – сопоставление биографий тех, в чьих руках сосредоточена политическая сила. Так, доказательством тезиса о властвующих элитах служит карьера вице-президента Р. Чейни. Он прошел путь от конгрессмена штата Вайоминг до министра обороны в правительстве Буша-старшего; затем он главный исполнительный директор мультимиллиардной нефтяной компании Халлибертон и вице-президент в администрации Д. Буша-младшего.

В то же время пост госсекретаря занимал К. Пауэлл, один из самых влиятельных членов кабинета той же администрации. Он не слишком удачно противостоит вице-президенту в центральных вопросах социальной политики. Родившись в афроамериканской рабочей семье, Пауэлл добился звания генерала армии (four-star general), стал главой Объединенного комитета начальников штабов. Т.е., на каждого отпрыска, наследующего богатство, интеллектуальную элитарность и в итоге становящегося президентом (Буш, Рузвельт, Кеннеди), приходится блестящий политический стратег скромного происхождения – Линкольн, Джонсон, Клинтон, добивающийся президентства харизмой и упорным трудом. На каждую гигантскую корпорацию типа Энрон, закулисно влияющую на правительственную политику, существует контрвлияние харизматака-аутсайдера, такого как Мартин Лютер Кинг, давший эксплуатируемому меньшинству ощутимую власть, или Ральф Надер, который внедрил в национальную программу действий вопросы безопасности и окружающей среды. Властвующие элиты оправдывают эти очевидные примеры государственной автономии и политического плюрализма. Миллс [8, р. 231], к примеру, заявлял: “Простого, старомодного чувства того, что ты избран в политическую иерархию, более просто не существует; карьера политиков – это “все более карьера назначения, а не избрания”; “внутренний круг политических аутсайдеров”, представляющий богатых людей из корпораций, “захватил ключевые руководящие посты в административных командах”, исключая деятелей политических партий и некоторых политиков. Если бы такие утверждения были верны, публичная открытая борьба за власть, которая, как кажется, характеризует современное общество, не имела бы ни малейшего эффекта. Общественное мнение было бы бессильно, а социальные движения, инициированные теми, кто не причастен властной элите, были бы обречены на провал.

Миллс признавал, что теория властвующих элит должна отвечать на эти вызовы. Центральным эмпирическим вопросом понимания современной политики, соглашается Миллс, является “та степень, в какой общественность пользуется подлинной автономией относительно установленной власти” [8, р. 303]. Если действительно существует “свободный поток дискуссии”, тогда есть и “возможность выразить несогласие или же организовать автономные органы общественного мнения [и] реализации этого действия” [там же, р. 298]. Иными словами, не так уж важно, существует или нет кон-

центрация институциональной власти. Если “властная элита ... действительно ответственна перед, или *даже существует в связи* с публичными сообществами, она несет совершенно иной смысл, чем если такая публика трансформируется в общество масс” [там же, р. 302, курсив мой – Д.А.]

Миллс утверждает, что общественность фактически была преобразована именно этим путем. Те самые социальные силы, что создали новую властвующую элиту, заявляет он, превратили некогда критическую и независимую публику в управляемую, зависимую массу. Элиты, предполагает он, это “центры как манипуляции, так и власти”. Общественность довольно пассивна перед СМИ и весьма беспомощна перед предложениями и манипуляциями со стороны СМИ [8, р. 305]. СМИ совершили “психическое насилие”, и общественное мнение было устранено как вызов власти элиты [там же, р. 309].

Утверждения о превращении современной публики в податливую массу – центральный аргумент доказательства господства в политической сфере. Они определяют важные исследовательские вопросы тех ученых, чей интерес в сфере того, продолжает демократия или нет быть жизнеспособной силой в современных обществах? Действительно ли общественностью в демократических обществах манипулируют? Действительно ли СМИ полностью подконтрольны богатым корпорациям, или они все же обеспечивают пространство противостоящим группам, альтернативным идеям? Может ли харизматическая власть служить антиэлитарным движениям? Является ли культура политической жизни только воспроизведением классовой культуры? Содержит ли демократическая политическая культура этические устремления, которые исходят из неэкономических и неэлитарных источников?

Гражданство, общественность и гражданская сфера. Менее чем через десять лет после того, как Миллс выразил пессимизм относительно демократизма общественности, президент Л. Джонсон, выходец из провинциальной бедноты Техаса, утвердил Акт о гражданских правах (1964 г.). Это стало ответом на движение принадлежащих к рабочему классу афроамериканцев, чьи бабушки и дедушки были рабами на Юге США. Их харизматический лидер, Мартин Лютер Кинг, сумел вызвать широкое сочувствие привилегированных белых Севера в противостоянии белым расистам южных штатов. Удалось ему это вследствие организации ряда действий на арене американской общественной жизни, возымевших сильнейшее влияние [10, р. 293–391]. Социальная драма чернокожих воплощала радикальные антирасистские вызовы устоявшейся власти. Они распространялись симпатизирующими СМИ, в которых преобладали белые журналисты и которые контролировались необъятным корпоративным богатством. Это лояльное общественное мнение было трансформировано в политическую власть путем голосования американских граждан, как чернокожих, так и белых.

Гражданская солидарность и общественная жизнь. Политическая борьба в современных обществах не определяется властью социальных элит и государственных бюрократий. Огромное влияние на нее оказывают идеи морали, гражданства, прав человека. Между социальной властью, с одной стороны, и государственной властью, с другой, находится культурное и институциональное пространство, которое можно назвать “гражданской сферой” (“civil sphere”) [10, р. 53–192]. Гражданская сфера определяется нормами закона, гарантиями прав индивидов. Она также определена чувствами и ценностями, солидарностью с каждым членом общества, независимо от статуса или власти. Быть гражданином значит не только быть частью государства. Это значит также быть участником публичной сферы, причастность к воображаемой солидарности гражданского сообщества, которое и определяет демократию.

Полноправным гражданином рождаются в узком смысле закона. Гражданство может стать фактически полным только в случае, если те, кто уже граждане, верят, ощущают и признают, что ты обладаешь способностью к гражданскому поведению. Такая взвешенная оценка негативно отражена в том, что детям и осужденным преступникам голосовать не позволено.

Избирательный доступ к полному гражданству отражен в борьбе подчиненных и исключенных групп за политическую власть, поскольку такая политическая борьба имеет в виду не только политическую власть, но признание качества гражданина. Социальные движения требуют власти, но и работают над тем, чтобы представить себя как граждан, потенциально хороших граждан. А чтобы в тебе видели потенциально хорошего гражданина, ты должен представлять себя в “дискурсе гражданского общества” рациональным и честным, доверяющим, но критичным, открытым, не замкнутым, сотрудничающим и при этом независимым индивидом. Желающие достичь политической власти должны стремиться представлять себя публике в терминах таких гражданских качеств. Для этого им нужны СМИ. Аудитория СМИ – гражданская общественность. Их цель – влияние на общественное мнение.

Гражданская сфера наполнена идеалами. Она отражает устремления и надежды, кристаллизующие харизматическими демократами вроде Джефферсона, Линкольна, Мартина Лютера Кинга. Она зиждется на философских основаниях, корнями уходящих к Сократу, погибшему во имя политической и интеллектуальной свободы в Древней Греции, к таким мыслителям, как Д. Локк и Жан-Жак Руссо, противостоявшим божественному праву королей Британии и Франции, к отцам-основателям – создателям американской Конституции и Билля о правах. Такие идеалы достаточно остры. Гражданское – это не только убеждения, но и институты. Эти институты реально вознаграждают за гражданское поведение и наказывают за антигражданские действия.

Полноценные члены гражданского общества обладают широким спектром материальных прав. Договорное право карает за мошенничество, непредоставление требуемой информации. Уголовное законодательство предусматривает санкции за насилие, принуждение любого типа, что является прототипом антигражданского поведения между двумя людьми. Материальная власть, сопутствующая полноценной реализации членства в гражданском обществе, доходит до голосования, выбора и смещения тех, кто контролирует государственную власть. Если ты участник гражданской сферы, ты обладаешь правом встречаться на публике с другими людьми, сохранять личную жизнь невидимой для государственных властей, создавать организации, организовывать политические кампании и демонстрации. Полностью признанные граждане обладают правом, иными словами, инициировать мощные потоки общественного мнения. Одна из наиболее значимых политических теоретиков демократии, Х. Арендт писала, что “все, что происходит публично, может быть увидено и услышано кем угодно и получает самую широкую огласку” [11, р. 50]. Участники гражданской сферы обладают правом издавать газеты и книги, создавать и распространять фильмы и песни. Они могут организовать свое радио, телевидение, могут изыскать средства для финансирования близких им проектов. Они могут дать жизнь социальным движениям, чтобы актуализировать проблемы, переориентировать политическую и социальную власть, быть критиками существующей власти.

В той степени, в какой в обществе есть демократия, публичная сфера автономна от социальной власти и государственной бюрократии. Когда граждане мобилизуются, когда они становятся сознательными и требовательными, тогда государство управляет для них, и бюрократическая власть действует в их интересах. Когда разгорается спор, элиты предлагают компромисс, с тем чтобы кооптировать возбужденную общественность, и реформы, чтобы успокоить ее. В такие моменты те, кто контролирует политическую власть, предлагают разделить ее с харизматическими гражданскими лидерами, а те, кто контролируют социальную власть, предлагают использовать ее от их лица. Арендт делает ударение на потенциальном конфликте между частной социальной властью и публичной политической властью. Она пишет: «термин “общественный” (*‘public’*) обозначает мир как таковой, в той мере, в какой он является общим для всех нас, и отличен от нашего частного занимаемого в нем места» [11, р. 52].

Публичная сфера определяет открытое пространство публичной дискуссии. Ю. Хабермас раскрыл этот элемент в “Структурной трансформации публичной сферы” (1991). Он описывает, как этот новый институт демократической жизни появляет-

ся впервые в XVIII в. Хабермас считает, что он возник из борьбы буржуазии за политическую власть с аристократией: "Буржуазная публичная сфера может быть понята, прежде всего, как сфера частных лиц, которые все вместе образуют общественность; вскоре они объявили публичную сферу регулируемой сверху относительно самих общественных властей, с целью вовлечь их в дебаты по поводу общих правил, которые управляют [социальными] отношениями. ... Способ этой политической конфронтации был весьма необычен и ранее не имел исторических прецедентов: публичное использование людьми своих доводов" [12, р. 27]. В публичном пространстве гражданской сферы, утверждает Хабермас, иногда побеждает самая простая сила – лучший аргумент. Это небюрократическая, более демократическая версия "рационально-легальной" власти – *sine qua non* легитимности в эпоху модерна.

После культурного поворота мы, между тем, должны понимать "лучший аргумент" гораздо более символически. Те, кто намерен осуществлять публичную власть в демократических обществах, меньше полагаются на здравый смысл и интеллектуальную аргументацию, чем на символическую репрезентацию. Гражданские качества конструируются посредством образов, кодов и нарративов, транслируемых на публичную аудиторию граждан. И не одни аутсайдеры должны обходить подводные камни общественного мнения и масс-медиа. Это относится равным образом к власти элит общества, даже к высшей государственной власти. Корпорации не осуществляют некий автоматический контроль общественной жизни. Независимо от того, как сильно бы им хотелось этого, в важнейшие моменты они не могут контролировать политическую ситуацию. В моменты кризисов общественность в демократических обществах – та, что состоит из низших, средних и высших классов – может повернуться против корпоративной власти и принудить ее к более чуткому, реагирующему управлению. Такое гражданское возмущение слышно, например, в раздражении американских сенаторов во время кризиса компании Энрон. Они выпустили серию залпов по бывшим руководителям корпорации, представшим перед Конгрессом. Сенатор Фицджеральд: "Господин Лэй, я могу заключить, что вы, вероятно, самый законченный мошенник со времен Чарльза Понци. Я бы сказал, вы ярмарочный зазывала, да только по отношению к зазывалам это несправедливо. Тот хоть скажет в лицо, что жульничает". Сенатор Керри: "Поскольку мы ведем войну с терроризмом и говорим о том, чтобы держать под контролем другие системы, дабы отслеживать денежный поток, мы имеем – все мы – систему, и конгресс поддерживал ее слишком долго, – подрывающую нашу способность к этому, – оффшорные дочерние предприятия и налоговые оазисы". Сенатор Холлингс: "Что ж, много сказано о развитии корпоративной коррупционной культуры, но существует и культура политической коррупции. И, возможно, мы можем извлечь что-то хорошее из этой ситуации ... надеюсь, это пристыдит нас и заставит действовать на стороне Белого Дома и Сената, направить президенту билль о кампании реформ. Мы должны упорядочить собственную деятельность, и, возможно, в этом и заключена польза, которую мы можем извлечь из ситуации" [13, 14].

Гражданское возмущение – позитивный аспект скандалов, регулярно сотрясающих публичную сферу [15]. Те, кто обладают большим богатством и социальной властью, выиграют битву за общественное мнение тогда, когда проявят свою власть в гражданской сфере. С этой целью им необходим обширный механизм связей с общественностью. Они оправдывают свои действия по отношению к окружающей среде перед гражданской сферой, извиняются за утечку химикатов и изображают себя людьми, с огромным уважением относящимися к природе. Когда какой-либо широко известный коммерческий продукт, типа Ford Explorer вдруг оказывается опасно неустойчивым, такие компании, как Форд, бросаются делать публичные заявления о проведении дорогостоящих структурных реформ. Они покупают рекламные места в газетах и на телевидении, дабы заполировать шероховатости корпоративного имиджа. Тем не менее, добиваются успеха они далеко не всегда.

Президенты и публика. Не всегда успешны и самые сильные, высокого ранга политики, которые контролируют государство. В классической работе "Президент-

ская власть” (1960) Р. Нейштадт описывает, как сложно президенту прокладывать свой путь. Нейштадт был советником президентов Трумэна и Кеннеди. Из непосредственного опыта – не только из исследовательской работы – он знал, что даже прямые президентские указы – военным, секретарям Кабинета, собственному штабу – часто не выполняются или творчески превратно истолковываются, что равнозначно неповиновению. Не приказ, но убеждение позволяют президенту вершить власть. Может ли он идти своим путем, определяет не формальная власть штаба, не его способностью осуществлять социальный или военный контроль. Это проблема политического престижа. Именно престиж определяет способность президента убеждать. А он, в свою очередь, определен положением, занимаемым президентом в гражданской сфере.

Что и кто составляет президентские аудитории? Согласно Нейштадту, они “столь же вариативны и взаимопересекаемы, как и требования американцев и их союзников, предъявляемые Вашингтону” [16, р. 86–87]. Они начинаются с членов вашингтонского сообщества, “вашингтонцев”: лоббистов и граждан, правительственных бюрократов и конгрессменов, журналистов и штатных сотрудников Конгресса, членов аналитических центров, хозяев модных салонов, журналистов отделов светской хроники. Мнение “высших кругов политического истеблишмента” находится под сильнейшим влиянием их собственной оценки мнения внешней по отношению к ним публики: “Вашингтонцы, наблюдающие президента, ...должны задуматься о его положении относительно общественности за пределами Вашингтона. Они должны измерять его народный престиж. Поскольку они этим озабочены, его положение относительно общественности – это источник влияния для него же, еще один фактор, поддерживающий их желание дать ему то, что он хочет...Они предвосхищают реакцию публики. Большинство членов вашингтонского сообщества зависят от людей, не принадлежащих к их кругу. Зависимость может быть как прямая – голосование, – так и косвенная – пассивная терпимость. Зависимые деятели должны учитывать общественную реакцию на свои поступки. Что может думать о них аудитория, становится влиятельным фактором в том, как обращаться с желаниями президента” [там же, с. 86; курсив мой – Д.А.].

В оценке мнений широкой публики вашингтонцы смотрят поверх желаний элиты: им нужно знать мнение “человека с улицы”, “среднего гражданина”. В той мере, в какой власть демократична, способность президента поддерживать и развивать свой престиж в высшей степени зависит от его веса в гражданской сфере: “Как члены вашингтонского сообщества оценивают престиж президента у американской общественности? Они говорят друг с другом, с таксистами. Они читают заметки журналистов, результаты опросов, новостные сводки. Сравнивают мнения посетителей и друзей. Путешествуют по стране, прислушиваются – и наблюдают Конгресс” [там же, с. 89].

Борьба за полноправное гражданство. Когда возникло современное государство, несмотря на его бюрократическую формалистику и рационалистическую законность, большинство людей были фактически исключены из политической власти. Мужчины без весомого состояния не могли ни голосовать, ни формировать ассоциации, такие как профсоюзы. Евреи не считались гражданами, не могли владеть землей, голосовать, иметь доступ к больницам и школам. Темнокожие были резко изолированы от общества. Порабощенные, крайне бедные, они не голосовали, не пользовались гражданскими свободами.

История политической жизни последних 200 лет – не столько история реализации власти элит, сколько история того, как рост гражданской сферы позволил преодолеть это господство. Это политическая история борьбы низкостатусных групп за исполнение обещанного гражданства. Эти группы видели себя не просто неравными и подчиненными, но исключенными из гражданской сферы. Как подчеркивает Дж. Шкляр, они видели себя “членами мнимого демократического общества, активно и целенаправленно лживого по отношению к собственным восхваляемым принципам” [17, р. 14]. Вследствие этого исключенные требовали не просто власти, но “гражданского ремонта” [10, р. 193–209]. Они подвергались унижению и репрессиям, но часто достигали успеха в контроле над государственной властью. Процесс постепенного расширения граж-

данского участия иллюстрирует, как гражданская сфера обнаруживает разрыв между властью государства и социальной властью. Голосование обычно понимается как само собой разумеющееся измерение гражданства. При этом оно выражает участие в гражданском обществе особо значимым способом, поскольку голосование трансформирует гражданское признание в государственную власть: "избирательный бюллетень всегда являлся сертификатом полноправного членства в обществе, и его ценность зависит, главным образом, от его способности передавать хотя бы минимум социального достоинства". Люди, лишенные этих маркировок гражданского достоинства, чувствуют себя униженными, а не просто безвластными и бедными. Собратья-граждане их презируют. Борьба за гражданство в Америке была всецело требованием инклюзии и попыткой разрушить барьеры на пути к признанию [17, p. 2, 3].

Борьба рабочего класса Британии за право голоса во время промышленной революции XIX в. показывает, сколь тесно переплетены признание гражданских способностей и политическое гражданство. "Гражданская позиция простых людей", отмечал Р. Бендикс (1977), "стала сюжетом для национальных дебатов". Сталкиваясь с неравноправностью их законной позиции и публичным обсуждением их гражданской надежности, реформаторы говорили о чувстве несправедливости у рабочих, потере самоуважения, "личных оскорблениях, которыми осыпали их правители, ... и ощущении рабочими того, что они являются "отбросами" в своей собственной стране" [18, p. 65–66]. Восстав против отрицания гражданских способностей, рабочие организации громко и публично заявили о своей гражданской состоятельности. В 1818 г. в Манчестере вышла брошюра, заявлявшая, что труд является "краеугольным камнем, на котором строится общество", и протестовавшая против того, что труд "вознаграждается гораздо меньше..., чем нужно, чтобы поддерживать семью здравомыслящего и дисциплинированного человека в приличном и комфортном состоянии" [цит. по: 18, p. 66].

Такие протесты позволили рабочим отвоевать право на организацию и право голоса. Процесс, приведший к этому, длился с начала XIX до начала XX века. Как только трудящимся классам было предоставлено право голоса, стали формироваться их политические партии. С 1920-х гг. политики, представлявшие профсоюзы, фактически вершили государственную власть в Европе и Северной Америке. Именно вследствие этой политической борьбы социальное измерение гражданственности стало все возрастающей реальностью. Взгляд на политику со стороны элиты – относительно того, что она попросту отражает экономическую власть – оказался неспособным зафиксировать эту критическую особенность демократических обществ. Обсуждая дебаты о капитализме и гражданственности, Б. Тернер писал: "Почему современный капитализм отдалается от экономической модели капитализма, которую мы находим в экономической социологии Маркса? Часть ответа может быть найдена в расширении сферы социального гражданства за последние сто лет вследствие борьбы рабочих классов, профсоюзных организаций и действия социальной демократии. Другими словами, рабочие классы не ощущают во всей полноте силу рынка, поскольку институты социального благосостояния до некоторой степени регулируют этот рынок и компенсируют неравенство доходов, бедность и безработицу" [19, p. 5].

Несмотря на долгую борьбу за обретение политических прав, они не реализуются последовательно, социальное гражданство продолжает оставаться частичным. В 1964 г. Т. Маршалл выделил стадии борьбы за инклюзию и описал гражданство по трем соотнесенным, но отдельным измерениям. Гражданские права относятся к "свободе личности, свободе слова, мысли и веры, праву на частную собственность и заключение действующих договоров и праву на правосудие". Политические права относятся к праву отдать свой голос, что позволяет гражданскому волеизъявлению непосредственно участвовать в государственной власти. Социальное гражданство соотнесено с экономическими и культурными преимуществами, которые реализация таких политических прав может дать, варьируя от "права на минимальное количество экономического благосостояния и безопасности до права полностью разделять соци-

альное наследство и вести цивилизованную жизнь в соответствии с превалирующими в обществе стандартами" [20, р. 78]. Каждая из этих форм гражданственности расширяет участие в гражданском обществе, но сегодня мы должны видеть и культурное гражданство – признание этнических, расовых, гендерных и сексуальных различий – как сущностное для гражданского сплочения.

Политические партии. В борьбе за политическое и социальное гражданство возникает новая форма организации – политическая партия. С. Липсет описал выборы как “демократическую классовую борьбу” [21, р. 230]. Демократическую, ибо рамки гражданского участия позволяли публично обсуждать экономическое расслоение; эти дебаты предопределяют голосование. Однако граждане не голосуют непосредственно за отдельную меру в экономике. Они отдают голоса за членов политических партий, обязавшихся представлять их различающиеся интересы.

Партии – идеологические организации. Они специализируются на преобразовании публичных дебатов в голоса, а голосов – в государственную власть. Они сочиняют лозунги и готовят кандидатов, организуют и спонсируют политические кампании, проводят экспертизу стратегии, обеспечивая свой успех. Вебер писал, что “партии живут в доме власти” [2, р. 94]. Обычно партии, не индивиды, соперничают по поводу политической власти, контролируют законодательное большинство и продвигают политико-идеологических представителей на посты в государстве. Партии формируются, потому что гражданская сфера демократических обществ дает заинтересованным группам возможность собраться вместе и получить публичную политическую трибуну. Когда партии, представляющие исключенные группы, действуют успешно, они повышают социальную солидарность. При этом партии являются ангажированными и пристрастными организациями. Они специализируются на развитии особой идеологии, которая эффективно представляет интересы их групп. “Обоснование партийной системы, – писал в 1947 г. Р. МакИвер [22, р. 215], – зависит от центровки общественного мнения в диапазоне от левого до правого”. В индустриальном обществе модерна этот идеологический раскол понимался, главным образом, как деление по экономическим классам. Правые всегда представляют часть партийного сектора, связанную с интересами высшего, доминирующего класса. Левые выражают интересы низшего социально-экономического класса, центристы – среднего класса [там же].

Последовавшие исследования идеологии партий и выборов продемонстрировали, что классификация левые/правые значимо выходит за рамки деления на высший/низший класс. Группы не определяют свои интересы только в экономическом плане. Он в нах. Самый бедный слой везде либеральнее или левее в экономическом плане. Он в большей степени поддерживает государственные меры социальной защиты, повышение оплаты труда, калибровку подоходных налогов, деятельность профсоюзов и т.п. Но когда либерализм определен не в экономических терминах, а поддержки гражданских свобод, интернационализма и т.д., – корреляция меняется на обратную. Состоятельные либеральнее, бедные – нетерпимее [21, р. 92].

Контраст между социальным и экономическим измерениями политической идеологии во многом объясняет современную избирательную и партийную политику. Поскольку экономика перешла к постиндустриальным формам, профессиональный и административный сегменты среднего класса стали более мощной общностью избирателей, чем прежний рабочий класс. Эти общности не только растут численно, но значительно рос уровень их участия в выборах. Консервативен ли и привержен status quo средний класс, либерален ли и ориентирован он на расширение прав и поддержку изменений, – в любом случае этот вопрос заостряется практически и интеллектуально.

Брукс и Манза (1997) обнаружили, что новый средний класс едва ли можно назвать гомогенным [23]. Управленцы напоминают солидных республиканцев, профессионалы все более смещаются к демократической партии. Это разделение – не результат разницы в доходах обеих групп, скорее вопрос их социальной ориентации. Большую часть XX в. демократическая партия обретала власть на выборах вследствие под-

держки массы рабочего класса. Поскольку прежний рабочий класс значительно уменьшился в размерах, демократы все более зависят теперь не от экономического либерализма рабочих, а от социального либерализма высокообразованных профессионалов.

Анализ показал, что социальные либеральные установки имеют ключевую объяснительную ценность в понимании важных тенденций политического поведения среднего класса. Социальный либерализм не только объясняет новые тренды и различия в электоральном поведении профессионалов и менеджеров, но и значительно набирает обороты, в том числе в политическом отношении. Нельзя представить себе более четкую демонстрацию специфически *политической* важности социальных либеральных установок, чем выраженные связи голосований во время выбора президента. Либеральные взгляды на социальные вопросы: аборт, роль женщин и гражданские права, — главные причины, стоящие за выбором профессионалами кандидатов-демократов и растущими отличиями от менеджеров.

Без специфической идеологической базы поддержки, показывает анализ, кандидаты в президенты от демократов теряли бы почву. Долговременный сдвиг электорального поведения профессионалов особо впечатляет, если рассматривать его в ретроспективе голосования за республиканцев в 1950-х гг. Возросший либерализм в социальных проблемах — достаточный импульс для смены средним классом собственных ему ранее республиканских установок [23].

Дискурс упадка. По сравнению с “реалистическими” аргументами об автономии государства и циничными аргументами по поводу властвующих элит, концентрация на публичной сфере и гражданском обществе устанавливает высокие моральные стандарты демократических обществ. Гражданское общество по определению незавершенный проект. Само его существование отражает идеализм в плане возможностей демократической жизни.

Для многих участников гражданской жизни, будь то политические активисты, светские или религиозные интеллектуалы, качество современной демократии никогда не было достаточно высоким. Никогда нет вполне “правдивой” публичности, “настоящей” гражданственности в гражданской сфере, солидарности в политической и культурной жизни демократического сообщества. Оценки пессимистов неубедительны. Несмотря на сложности и неудачи в современной политической жизни, гражданская сфера расширилась и углубилась. На всем пути она буквально на каждом шагу подвергалась критике, утверждавшей, что гражданское общество и общественная жизнь пребывают в упадке.

Руссо в 1750 г. сетовал: “у нас нет более граждан” [24, р. 17]. А. де Токвиль провозгласил, что американская демократия произвела на свет не свободу и политическое равенство, а попросту тиранию большинства и массовый конформизм [25]. В 1925 г. У. Липпманн сокрушался по поводу победы политической пропаганды и public relations над здравым смыслом и активностью публики [26]. В послевоенный период критики-интеллектуалы Миллс, Арендт и Хабермас предупреждали, что в массовом обществе, питаемом рекламой и СМИ, демократические возможности публичной сферы подвергаются эрозии. В 1979 г. президент Картер провозгласил, что американское общество страдает от “чувства неудовлетворенности”, предвещающего политический и моральный упадок. В середине 1980-х гг. Р. Белла и его коллеги в своем пессимистическом бестселлере “Обычаи сердца” утверждали, что американская культура дрейфует от гражданской солидарности к поглощению индивидуализмом [27].

Тезис об упадке был недавно предъявлен в известном заявлении Р. Путнама, что американцы впервые “играют в боулинг в одиночестве” [28]. Он утверждал, что знаменитая американская склонность создавать и вступать в добровольные организации сходит на нет, указывал на упадок таких групп, как бойскауты и развитие гигантских организаций наподобие Гринписа или Американского союза гражданских свобод. Американцы даже в боулинг играют все больше поодиночке. Путнам полагает, что подобные тенденции, плюс время, которое американцы проводят перед телевизором,

объясняют низкие рейтинги оценок роли американского общества конца XX в. и, в более общем виде, означают моральный и политический упадок страны.

Но дискурс упадка вряд ли точно описывает политическую и культурную жизнь США. Парадоксально, но такая критика остается жизненным моральным компонентом американской демократии. Настойчиво провозглашая высокие моральные устои, она добавляет энергии силе морального долга, идеалам гражданского общества. Стенания по поводу упадка демократии лишь способствуют тому, чтобы он никогда не произошел.

Усиление гражданской сферы. Последние десятилетия XX в. отмечены ростом демократического фона американской жизни. Происходило это несмотря на периоды консерватизма и жестких ответных ударов, которые следовали за периодами социальной открытости и политических реформ. Обратной стороной этой “меняющейся причастности” стало усиление гражданской культуры и ее институтов. Пассивность и консерватизм послевоенной эпохи сменило мощное движение чернокожих за гражданские права. В работе “Хороший гражданин: история американской гражданской жизни” М. Шудсон ставит движение за гражданские права в центр того, что называет “абсолютной революцией в правах” [29, р. 242], ознаменовавшей последние десятилетия XX века.

Движение за гражданские права стало моделью и вдохновением широкому спектру новых социальных движений и политических организаций. Этот смелый пример даже у тех, кто не принял в нем участия, стимулировал новый эгалитаризм во всей американской культуре. Рост его влияния превратил гражданский процесс в инструмент социального изменения, утвердил прямое действие и ненасильственные демонстрации как орудие протеста и поставил его в центр американских общественных устремлений ориентации на права граждан [29, р. 255–56].

Оценить масштаб этой правовой революции позволяет меняющийся состав решений Верховного суда США. В 1935 г. два решения из 160 относились к вопросам гражданских свобод или гражданских прав; в 1989 г. их было 66 из 132 [29, р. 249]. Но эта молчаливая революция отнюдь не была движением сверху, инициированным одной частью государства. Она началась с движения за гражданские права, расширяя их культурное понимание, и это идущее снизу вверх расширение с годами ускоряется. Адвокаты инициировали иски против больниц, снижавших стандарты медицинского обслуживания бедных, против арендодателей, против частных компаний, стремившихся облапошить бедняков, против правительственных учреждений, особенно ответственных за распределение социальных благ. Этой работой отмечены путь расширения прав граждан на социальное обеспечение и возможность быть услышанными, перемены бюрократических процедур в сфере социального обеспечения [29, р. 257].

Последние десятилетия XX в. — свидетели возникновения ряда социальных движений, каждое из которых требовало более полного признания гражданского статуса [29, р. 265–274]. Не только расовые меньшинства требовали изменений. Этого требовали студенты, протестовавшие в защиту прав против факультетской администрации; коренные американцы, требовавшие уважения к соглашениям, которыми долго пренебрегали; служащие, формирующие на местах организации в защиту социальных прав; женщины, требующие фундаментальных реформ на работе и дома; инвалиды, призывающие к реструктуризации правовой, социальной и материальной среды, рассчитанной на “обычных” людей. Нет признаков того, что эти вызовы разнообразным формам социальной власти могут в ближайшее время сойти на нет. Как отмечает Шудсон, “едва ли хоть день проходит без того, чтобы в СМИ не прозвучало очередное сообщение о ком-то, кто создает социальный прецедент из собственного недовольства и организует сообщество, опираясь на чувство отвергнутого права” [29, р. 290].

Заключение. Правительства и государства, безусловно, играют выраженную и исключительно мощную роль в современных обществах. Эти политические институты не существуют более в традиционных обществах. По крайней мере, в них они теснее увязаны с религиозными, семейными, экономическими группами, чем в сов-

ременный период. Небольшие сельскохозяйственные сообщества были дополитичны. С ростом, культурным и экономическим развитием возникает необходимость в формальном и централизованном контроле. Возникает государство, прочно связанное с интересами господствующего класса аристократии. Первые государства представляют собой военные и административные диктатуры, которые постепенно становятся более обезличенными, бюрократическими ради лучшего контроля. С формированием больших городов культурная жизнь становится ярче, появляются светские интеллектуалы, возникает возможность развития новых "публичных" сфер. Древняя Греция впервые создает "polis", который поглощает Римская империя и исчезает в средневековье. Публичная сфера вновь возникает в эпоху Возрождения, вместе с самоуправляемыми городами-государствами типа Флоренции, Венеции, где принадлежавшие к элите граждане открыто обсуждали публичную политику, чередовались в занятии властных позиций и выбирали правительственных чиновников. Светские демократические революции в Америке и Франции конца XVIII в. стремились наделить общественность конституционной властью, контролем над государством и другими формами социальной власти, сформированными экономической и религиозной элитами.

С развитием индустриального капитализма исторические возможности демократии, равно и либеральные, республиканские теории, стремившиеся объяснить и легитимировать их, боролись с вызовом концентрированной экономической власти гигантских корпораций, а также поляризацией экономических классов, грозившей той тонкой солидарности и "чувству локтя", на которые опирается публичная сфера.

Превращают ли демократию господствующие классы и властвующая элита в пустой звук, сегодня предмет напряженных споров. Пророчества пессимистов слышны из всех уголков публичной жизни. Повсеместные скандалы обнажают коррупцию бизнес-лидеров, представителей правительства. Являются ли эти критика и скандалы, достойные осуждения или нет, индикаторами жизнеспособности публичной сферы? Таков тезис этой работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Weber M. Politics as a Vocation // From Max Weber: Essays in Sociology, ed. by H.H. Gerth, C.W. Mills. New York: Oxford Un-ty Press. 1958. P. 12, 13, 27-28, 29.
2. Weber M. Class, Status, Party // Там же. P. 180-195.
3. Alexander J.C., Giesen B., Mast J. Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics and Ritual. Cambridge: Cambridge Un-ty Press. 2006.
4. McGinniss J. The Selling of the President 1968. New York: Trident. 1968.
5. Mann M. The Sources of Social Power: A History of Power from the Beginning to A.D 1760 (v. 1). New York: Cambridge Un-ty Press. 1986.
6. Он же. The Sources of Social Power: The Rise of Classes and Nation-States, 1760-1914 (v. 2). New York: Cambridge Un-ty Press. 1993.
7. Lukes S. Power: A Radical View. New York: Macmillan. 1974.
8. Mills C. W. The Power Elite. New York: Oxford Un-ty Press. 1956.
9. Domhoff W. Who Rules America? Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967.
10. Alexander J.C. The Civil Sphere. New York: Oxford Un-ty Press. 2006.
11. Arendt H. The Human Condition. Chicago: Un-ty of Chicago Press. 1958.
12. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge: MIT Press. 1991 [1962].
13. Oppel R., Kahn J. Enron's Many Strands // New York Times. 2002. February 13. P. 8.
14. Stevenson R., Gerth J. Enron's Collapse: The System; Web of Safeguards Failed as Enron Fell // New York Times. 2002. January 20. Section 1:1. P. 6.
15. Sloan A. Laying Enron to Rest // Newsweek. 2006. June 5.
16. Neustadt R. Presidential Power: The Politics of Leadership. New York: Wiley. 1960.
17. Shklar J. American Citizenship: The Quest for Inclusion. Cambridge: Harvard Un-ty Press. 1991.
18. Bendix R. Nation-Building and Citizenship: Studies of Our Changing Social Order. New York: Wiley. 1977.
19. Turner B. Citizenship and Capitalism: The Debate over Reformism. London: Allen and Unwin. 1986.
20. Marshall T. Class, Citizenship, and Social Development. New York: Doubleday. 1964.
21. Lipset S. Political Man: The Social Bases of Politics. New York: Doubleday. 1960.
22. MacIver R. The Web of Government. New York: Macmillan. 1947.

23. Brooks C., Manza J. The Social and Ideological Bases of Middle-Class Political Realignment in the United States, 1972–1992 // *Am. Sociological Review*. 1997. 62(2): 191–208.
24. Rousseau J.-J. Discourse on the Sciences and the Arts // *Basic Political Writings of Jean-Jacques Rousseau*, ed. by D.A. Cress. Indianapolis: Hackett. 1987.
25. De Tocqueville A. Democracy in America. New York: New American Library. 1956 [1840].
26. Lippmann W. The Phantom Public. New York: Harcourt, Brace. 1925.
27. Bellah R.N., Madsen R., Sullivan W.M., Swidler A., Tipton S.M., eds. Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life. Berkeley: Un-ty of California Press. 1985.
28. Putnam R.D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // *J. of Democracy*. 1995. V. 6, No. 1, p. 65–78; Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster. 2000.
29. Schudson M. The Good Citizen: A History of American Civic Life. New York: Martin Kessler. 1998.

Перевод Горностаевой М.В.,
канд. социол.н., ст. науч.сотр. ИСПИ РАН
(E-mail: altaise@rambler.ru)

Юбилей

В октябре 2009 г. исполнилось 75 лет доктору философских наук, члену-корреспонденту РАН, одному из ведущих специалистов в области политической социологии, социологии региона, конфликтологии АНАТОЛИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ДМИТРИЕВУ.

В 1958 г. окончил Ленинградский государственный университет, в 1963 г. защитил кандидатскую и в 1973 г. докторскую диссертации. Работал в ЛГУ, ИМЛ при ЦК КПСС, с 1987 по 1995 гг. был главным редактором журнала «Социологические исследования», в 1990–2001 гг. – зам. акад.-секретаря Отделения общественных наук РАН. В настоящее время руководитель Центра конфликтологии.

Первые работы Дмитриева посвящены институционализации нового направления – политической социологии. Являясь одним из руководителей Института комплексных исследований при ЛГУ, методически обосновал необходимость использования социальных показателей (1968–1975). На посту заместителя директора по научной работе Института социально-экономических проблем АН СССР (Ленинград) исследовал территориальные общности (район, город). Ряд его работ посвящен социально-политическим проблемам.

А.В. Дмитриевым опубликовано свыше 220 научных трудов, в том числе 15 монографий. Среди них: «Политическая социология США» (Л., 1971), «Социальные проблемы лиц пожилого возраста» (Л., 1976), «Социология политического юмора» (М., 1998). В начале 1990–2000-х гг. на основе социологического и сравнительно-правового анализа данных в конфликтологии выдвинул концепцию, предложил меры практического урегулирования конфликтов, что нашло отражение в работах: «Конфликтология» (М., 2000), «Общая социология» (М., 2001), «Социальный конфликт» (М., 2002), «Конфликты миграции» (М., 2004), «Миграция. Конфликтное измерение». Изд. 2. (М., 2007), «Насильственные политические конфликты» (М., 2007; в соавт.), «Региональная конфликтология. Концепты и российская практика» (М., 2008; в соавт.), «Конфликтология. Учебное пособие» (М., 2009), «Конфликтология. Базовые концепты и региональные модели» (М., 2009; в соавт.).

Анатолий Васильевич активный участник всемирных политологических и социологических конгрессов, ряд его научных трудов опубликованы в США, Китае, Германии, Болгарии, Монголии.

Редакционная коллегия и редакция журнала поздравляют юбиляра со знаменательной датой, желают крепкого здоровья и новых творческих успехов.

Ниже публикуется статья, написанная юбиляром в соавторстве.